

УДК 821.161.1'09

В. Л. Удалов – доктор филологических наук,
профессор кафедры русской филологии
Волынского национального университета
имени Леси Украинки

Рецепция Н. В. Гоголя в прозе А. П. Чехова

Работа выполнена на кафедре
русской филологии ВНУ им.Леси Украинки

В статье собран фактический материал из 30-томного Собр. соч. и писем А.П.Чехова относительно оценки и использования творчества, произведений и личности Н.В.Гоголя. Приведенный материал свидетельствует о постоянном у Чехова ассоциативном мышлении по Гоголю, о постоянном обращении к его образам и персонажам. Письма и произведения Чехова – неоценимый клад для широкого круга исследователей литературы XIX века.

Ключевые слова: Гоголь, Чехов, проза, драматургия, рецепция, традиции, новаторство, герой, персонаж, ассоциативное мышление.

В.Л.Удалов. Рецепція М.В.Гоголя у прозі А.П.Чехова. У статті зібрано фактичний матеріал, що міститься у 30-томному Зібр. творів і листів Чехова щодо оцінки й використання творчості, творів, героїв Гоголя. Матеріал свідчить про постійне у Чехова асоціативне мислення за Гоголем, постійне звертання до його образів, персонажів, творів. Листи і твори Чехова – неоціненний скарб для широкого загалу дослідників літератури XIX століття.

Ключові слова: Гоголь, Чехов, проза, драматургія, рецепція, традиції, новаторство, герой, персонаж, асоціативне мислення.

V.L.Udalov. Gogol's reception in Chehov's prouse. The author of the article has collected a plenty of the facts concerning an Chehov's estimation of products and person Gogol. This material is in Chehov's complete works in 30 volumes. The facts specify constant Chehov's study of Gogol's products, constant reference to his heroes on an extent of all life. Chehov's letters - huge source for study of the literature XIX of a century.

Key words: Gogol, Chehov, prose, drama, association, reminiscences, tradition, innovation, poetic of products, images of heroes, "inner-text", "underwater current".

Литературоведение изредка касается фактических материалов об отношении Чехова к Гоголю, о высочайшей оценке его творчества, использовании и развитии гоголевских образов, тем, приемов, вообще вопроса о гоголевских традициях в прозе и драматургии Чехова. Некоторые факты приводят Б.Алперс, Г. Бердников, Е.Добин, В.Ермилов, Л.Лотман, Т.Маевская, М.Храпченко, М.П.Чехова и др., кто пишет о раннем периоде жизни и творчества Чехова [3].

Однако материал о рецепции Гоголя в творчестве Чехова весьма обширен, глубок, разнообразен и поучителен, как показывает 30-томное Собр. соч. и писем А.П.Чехова (1974-1983). Материал этот заслуживает более пристального внимания и конкретного анализа, что и составляет цель нашей статьи.

Дело в том, что Гоголь для Чехова был звездой первой величины, писателем, любовью к которому зародилась в детстве и была пронесена через всю жизнь. Гимназистом Чехов не раз играл гоголевских героев в домашних спектаклях. Первым литературным замыслом Чехова была попытка переделать в трагедию повесть Гоголя "Тарас Бульба". Да и в последние годы Чехов не раз советовал Станиславскому и Немировичу-Данченко: "Ставить Вам нужно прежде всего "Ревизора", "хорошо бы также "Женитьбу" поставить. Можно ее очаровательно поставить" [3, П., X, 213].

Произведения Гоголя Чехов знал настолько прочно, что Гоголь-прозаик и драматург занимал ведущее место в его ассоциативном мышлении. В письмах Чехова немало шуточных ассоциаций. В разное время одних знакомых и друзей он называл “Бобчедобчинскими”, других Хлестаковыми, Ноздревыми, Плюшкиными [3, П., I, 35; IV, 82, 89, 254; VII, 246; VIII, 249]. Собираясь купить домик в Полтавской губернии, сообщал, что подписываться будет: “Полтавский помещик, врач и литератор *Антуан Шпонька*” [3, П., I, 316]. Не менее часты и серьезные сравнения. Помогая молодым писателям, он не раз рецензировал в письмах их рассказы. При этом одному напишет: “Знаки препинания, служащие нотами при чтении, расставлены у Вас, как пуговицы на мундире гоголевского городничего” [3, П., II, 200]. Другому, защищая “прекрасный народный язык”, заявлял: “Насколько я могу судить по Гоголю и Толстому, правильность не отнимает у речи ее народного духа” [3, П., V, 33-34]. И так буквально ежемесячно и ежегодно в течение всей жизни.

В свое время мы писали, что поэтика поздней драматургии Гоголя (после “Ревизора”), особенно поэтика “Театрального разъезда” оказалась одним из источников его “еретически новаторского” (М.Горький) “подводного течения”, до сих пор почти не прочитанного в его больших пьесах [2].

Обратим теперь внимание на рецепцию Гоголя в прозе Чехова, ранней, зрелой и поздней. В одних случаях гоголевские фразы, герои, меткие выражения использовались Чеховым для краткой характеристики его собственных героев (один из приемов чеховского лаконизма). В других случаях персонажи Гоголя, ярчайшие мотивы использовались в качестве ассоциативной символики.

Есть многочисленные случаи развития гоголевских тем в чеховских миниатюрах, рассказах, новеллах, повестях, пьесах. Недаром в рецензии 1895 г. на очередной сб. Чехова “Повести и рассказы” С.Андреевский (в противовес инакомыслящим в литературной критике) отмечал: в авторе сборника “все видят общепризнанного наследного принца наших крупных писателей”, имея в виду Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Л.Толстого [3, Соч., VIII, 427-428]. Приведем лишь некоторые факты в подтверждение сказанного.

В юмористическом ж. “Зритель” (1881 г.) в разделе “И то и се” в расчете, конечно, на знатоков “Мертвых душ” Антоша Чехонте привел анекдотическое высказывание Собакевича как намек на всеядный аппетит и грубость: “Душенька! Ты мне лягушку хоть сахаром обсыпь, так я ее все равно есть не стану. Подпись: Собакевич”. В юмористическом календаре “Будильника” на 1882 г. в качестве “выдающихся событий” Чехонте извещает: “1 апреля. – Можно надувать всех. Кто врёт – тот следует обычаю... Это – день адвокатов, газет и И.А.Хлестакова”. А на 2 апреля отнесено: “Все обстоит благополучно... В г. Ярославле скандал: кто-то кого-то по мордасам... В сей день Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем, а Акакий Акакиевич сшил себе новую шинель (в 1842 г.)” [3, Соч., I, 155-156].

Среди примеров использования Чеховым героев Гоголя в качестве краткой характеристики своих героев назовем хотя бы такие. В миниатюре “Козел или негодяй?”, опубликованной в юмористическом ж. “Осколки” (1883) Чехов пишет: “В гостиную входит старичок из породы гоголевских мышинных жеребчиков. Увидев спящую девушку, он ухмыляется и подходит к ней на цыпочках...” Далее идет развитие комического действия. О нем нетрудно догадаться, ибо характер “старичка” уже ясен из упоминания “мышинных жеребчиков” [3, Соч., I, 160]. А в миниатюре “Сон репортера” (1884) для характеристики редактора оказалось достаточным упомянуть “Скуп как Плюшкин”, чтобы все стало ясно [3, Соч., II, 348].

В миниатюре “Марья Ивановна” (1884), полной юмористических неожиданностей и написанной для “Будильника”, Чехов был вынужден снять из текста такую вовсе не в духе журнала фразу: “Мы все, пишущие по смешной части, повержены в скорбь закрытием... детской лечебницы и тем, что смертные продолжают еще брать взятки, хоть и читали Гоголя” [3, Соч., II, 450]. Об актуальности этой мысли для нашего времени добавить нечего – все сказано.

В другом случае, в рассказе “Талант” (1886) столь же афористично и злободневно выглядит фраза: “Люди, не знающие жизни, обычно рисуют себе жизнь по книгам, но Егор

Саввич не знал и книг; собирался было почитать Гоголя, но на второй же странице уснул...” [3, Соч., V, 279].

И подобных гоголевских рецептов у Чехова много. Встречаются они и в драматургии. В пьесе «Иванов» некто Лебедев, обращаясь к Саше, произносит: “За что же ты на меня набросилась? У Гоголя две крысы сначала понюхали, а потом ушли, а ты, эмансипэ, не понюхавши набросилась” [3, Соч., XI, 274].

Столь же часто Чехов использует с разными целями символику гоголевских персонажей или саму фамилию Гоголя, Пушкина и других классиков, причем разных народов и времен. В одном случае (рассказ “В приюте...”, 1884) в уста героя вводит слова: “Скорей по трактирам буду шататься да крохи подбирать, чем перед Плюшкиными унижаться” [3, Соч., III, 93]. В другом рассказе (“Бумажник”, 1885) в размышлениях героя видим: “Собственно говоря, Смирнов и Балалайкин – какие это актеры? Это бездарности, свиньи в ермолке, тупицы... Они деньги на пустяки изведут, а я бы пользу отечеству принес и себя бы обессмертил”. А чтобы ясно стало, как это у Чехова воспринимать, добавим из финала этой миниатюры: “Мораль: когда актеры со слезами на глазах говорят о своих дорогих товарищах..., то не очень увлекайтесь” [3, Соч., III, 444-445].

Приведем отрывок из рассказа “Именины” (1888). Некий Николай Николаич перед племянницей возмущается ее мужем: “Матушка, до каких же пор это будет продолжаться... Где границы? Не говорю уже о том, что его держимордовские взгляды деморализуют среду, что он оскорбляет во мне... все святое и лучшее, – не говорю об этом, но пусть он будет хоть приличен! Что такое! Кричит, рычит, ломается, корчит из себя какого-то Бонапарта, не дает слова сказать... Кто он такой?.. Выскочка и юнкер, каких много! Щедринский тип! Одно из двух: или он страдает манией величия, или права эта старая, выжившая из ума крыса, граф Алексей Петрович, когда говорит, что теперешние молодые люди поздно становятся взрослыми, и до сорока лет играют в извозчики и в генералы!” [3, Соч., VII, 178]. И вновь символика имен и фактов злободневна для нашего времени.

Чаще всего имена Гоголя, Тургенева используются Чеховым как символы начитанности и ума. Красноречив диалог из новеллы «Иван Матвеич» (1886): “Вы много читаете? – Признаюсь, мало... – говорит Иван Матвеич (это переписчик, молодой человек лет 18-ти. – В.У.). – Тургенева читали? – Н-нет... – А Гоголя? – Гоголя? Гм!.. Гоголя... Нет, не читал! – Иван Матвеич! И вам не совестно... даже Гоголя не читали! Извольте прочесть!” [3, Соч., IV, 373].

Показательна символика имен персонажей Гоголя в повести Чехова “Моя жизнь” (1896), использованная для описания города и деревни – скажем так, чеховских времен. Приведем разговор двух героев: “Здесь, в *городе* вас не понимают, да и некому понимать..., здесь, за весьма малыми исключениями, все *гоголевские свиньи рыла*. Но я... сразу угадал вас... вы благородная душа...” – Мы разговорились (продолжает рассказчик – В.У.)... я выразил ему такую мысль: нужно, чтобы сильные не поработали слабых, чтобы меньшинство не было для большинства паразитом или насосом, высасывающим из него лучшие соки. Нужно, чтобы все без исключения – и сильные и слабые, богатые и бедные, равномерно участвовали в борьбе за существование...”

Столь же метка и характеристика *деревни* чеховских времен. Один из героев говорит: “Никаких глубоких общественных течений в *деревне* нет... Общайте все деревни и найдете разве только *Неуважай-Корыто* в пиджаке или в черном сюртуке, делающего в слове “ещё” четыре ошибки. Культурная жизнь у нас еще не начиналась. Та же дикость..., что и пятьсот лет назад... Учиться нам нужно, учиться и учиться, а с глубокими общественными течениями погодим: мы еще не доросли до них и, по совести, ничего в них не понимаем...” [3, Соч., IX, 279]. И конечно, Чехов не был бы Чеховым, если бы эти мысли героя, сами по себе безусловно справедливые, не завершил бы иронически в адрес того, *кто их высказал*: после слов “...ничего в них (общественных течениях) не понимаем” Чехов добавил герою такие слова: “Счастье будущего человечества только в знании. *Пью за науку!*” Этот последний высокопарный призыв “героя” *выпить*, резко диссонирующий с предыдущими его рассуждениями, по-чеховски тонко намекает на имеющий место разрыв у его современников между словом и делом, между

объективно верными *идеалами* и – *носителями* этих идеалов. В современном прочтении этот намек звучит многозначительно.

В отмеченном поэтическом приеме отразилось и то, как Чехов развивал гоголевские темы, рассуждения и его героев. Еще более заметно это развитие гоголевских мотивов на других примерах.

В новелле “Шило в мешке” (1885) *ревизор* Посудин едет с возницей на тройке в уездный городишко N, куда его вызвало анонимное письмо. По дороге он думает: “Накрыть... Как снег на голову... Ха-ха... Воображаю их ужас и удивление, когда в разгар торжества послышится: “А подать сюда Тяпкина-Ляпкина!” Ха-ха! То-то переполох будет!”

Заканчивается этот чеховский рассказ такими сведениями от возницы и финальным поступком ревизора Посудина. Возница, не зная, кого он везет, разговорился и между прочим сообщил: “Хо-хо, ваше благородие! Народ тут ловкий, ловкач на ловкаче!.. Глядеть любо, что за черти! Да вот, хоть нынешний случай... Еду я утром порожнем, а навстречу летит буфетчик. “Куда, спрашиваю...” А он и говорит: “В город N вино и закуску везу. Там нынче Посудина ждут...” Ловко? Посудин, может, еще только собирается... и думает, что знать никто не знает, что он едет, а уж для него, скажи пожалуйста, готово и вино, и сёмга, и сыр, и закуска разная... А? Едет он и думает: “Крышка вам, ребята!”, а ребятам и горя мало! Пущай едет! У них давно уж все спрятано!” – “Н а з а д! – прохрипел Посудин. – Поезжай назад, ссскотина! – И удивленный возница повернул назад” [3, Соч., IV, 254, 257].

С развитием образа гоголевского почтмейстера *Шпекина* (из “Ревизора”, естественно) встречаемся в чеховской миниатюре “Статистика” (1886): “Один досужий *Шпекин*, любивший запускать глазнапа и узнавать, “что новенького в Европе”, составил некоторого рода статистическую табличку, являющуюся драгоценным вкладом в науку... Если взять письма оптом за целый год и пустить в ход процентный метод, то на каждые *сто* писем приходится: (далее скажем кратко – В.У.) 72 таких, которые пишутся зря, от нечего делать, только потому, что есть под рукой бумага и марка... 5 любовных... 4 поздравительных... 5 просящих займы до первой получки... одно “умное” о вреде *гласности*... 3 деловых и одно ужасное, полное слез, мольбы и жалоб” [3, Соч., V, 350-351].

Наконец, в 7-м томе из 12-томного эпистолярия Чехова, который по праву называют “вторым собранием сочинений Чехова”, – есть ряд чеховских замечаний о влиянии на него “степных” пейзажей Гоголя и о развитии этих начинаний. Приведем два замечания. Одно – “Я знаю, Гоголь на том свете на меня рассердится. В нашей литературе он степной царь. Я залез в его владения” (Чехов имеет в виду свою повесть “Степь”). Второе замечание о том, что повесть “Степь”, “быть может, покажет, какое богатство, какие залежи красоты остаются еще нетронутыми и как еще не тесно тут художнику” [3, Соч., VII, 630].

В итоге скажем: мы не привели и сотой доли тех фактов, которые говорят о высокой чеховской оценке Гоголя, его произведений, героев, мотивов, о творческом развитии гоголевских традиций с учетом, естественно, скажем так, особенностей времени самого Чехова.

Л и т е р а т у р а

1. Алперс Б.В. Искания новой сцены. – М.: Искусство, 1985. – 398 с.; Бердников Г.П. Гоголь и Чехов // Бердников Г.П. Над страницами русской классики. – М.: Современник, 1985. – 415 с.; Добин Е.С. Герой. Сюжет. Деталь. – М.-Л.: Наука, 1962. – 412 с.; Ермилов В.В. Избранные работы: В 3 т. – Т.1. – М.: ГИХЛ, 1955. – 471 с.; Лотман Л.М. А.Н.Островский и русская драматургия его времени. – М.-Л.: АН СССР, 1961. – 360 с.; Маевская Т.Н. Романтические тенденции в русской прозе конца XIX века. – К.: Наукова думка, 1978. – 236 с.; Степанов Н.Л. Н.В.Гоголь. Творческий путь. – М.: ГИХЛ, 1955. – 585 с.; Храпченко М.Б. Художественное творчество, деятельность, человек. – М.: Сов. писатель, 1976. – 366 с.; Чехова М.П. Из далекого прошлого. – М.: ГИХЛ, 1960. – 270 с.
2. Удалов В.Л. “Підтексти” і “підводна течія” в драматургії Гоголя і Чехова // Вісник Житомирського державного університету ім. Івана Франка. – № 30. – 2006. – С.117-119.
3. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 тт. – М.: Наука, 1974-1983.